

Природа, люди,
неуловимая сова
и, наконец, сила духа!
Эта книга понравится всем,
кто любит птиц, науку,
путешествия или просто
захватывающее чтение.

*Дженнифер Акерман,
автор бестселлера
«Эти гениальные птицы»*

СОВЫ ВО ЛЬДАХ

КАК СПАСАЛИ
САМОГО БОЛЬШОГО
ФИЛИНА В МИРЕ

ДЖОНАТАН СЛАТ

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Животные (Альпина)

Джонатан Слат

**Совы во льдах: Как спасали
самого большого филина в мире**

«Альпина Диджитал»

2020

УДК 598.2
ББК 28.693.35

Слат Д.

Совы во льдах: Как спасали самого большого филина в мире /
Д. Слат — «Альпина Диджитал», 2020 — (Животные (Альпина))

ISBN 978-5-00-223124-9

Это книга о рыбном филине, одной из самых больших сов в мире. И это книга американца о России. Пернатый гигант селится в девственных лесах поблизости от водоемов, богатых рыбой, и как раз такие условия пока еще можно найти в российском Приморье на Дальнем Востоке. Вот почему именно здесь произошла встреча начинающего орнитолога Джонатана Слата с таинственной и редкой птицей – встреча, изменившая жизнь ученого. Дуэт смолк, значит, птицы полетели охотиться. Ночь выдалась длинной и нескучной. До полуночи взрослые птицы пять раз приносили пищу в гнездо, и каждый раз их приближение сопровождалось треском, когда их тяжелые крылья задевали ветви деревьев. Один обломившийся сучок даже упал на купол палатки. Я понял, как сложно, должно быть, птице с двухметровым размахом крыльев сохранять ночью равновесие в буйных зарослях речной долины. Вместе с российскими коллегами Слат отправляется на поиски рыбных филинов с целью разработать план спасения вымирающего вида. Их ждут морозные ночи с дежурствами в палатках, безумные гонки на снегоходах по тающему речному льду, надежды и удачи, досадные ошибки. Главные герои книги – рыбные филины: ловкие охотники, преданные родители, исполнители завораживающих дуэтов, – их нельзя не полюбить вслед за автором. Есть и «второстепенные» персонажи – люди, привыкшие выживать в суровых условиях таежных лесов. Многие в России в диковинку американцу, и это придает особый колорит рассказам о буднях полевых исследователей и о (часто не в меру) гостеприимных жителях Приморского края. Драматические и лирические сцены, меткие и ироничные наблюдения – все в повествовании подчинено мысли о красоте и уязвимости дикой природы. Я спросил у Чепелева, можно ли мне осмотреть второй этаж, и он кивком разрешил мне. К тому, что я увидел, я был совершенно не готов. Весь второй этаж занимала одна комната, обставленная так же скудно, как и помещение

внизу, но в самом ее центре возвышалась объемная четырехгранная пирамида из фанеры. На одной из граней имелась дверь, и я подошел, чтобы заглянуть внутрь. Постель. Чепелев спал внутри пирамиды, установленной на втором этаже избы. Для кого Всех, кто интересуется науками о животных и человеке. Тяжело дыша, косуля достигла глубокой полыньи, которая была около трех метров в ширину и пятнадцати метров в длину, и без промедления плюхнулась в воду. Вероятно, она собиралась перепрыгнуть на другую сторону, но слишком поздно поняла, что у нее не хватит на это сил. Собака, лайка, резко остановилась и зарычала, скаля зубы. Я замер на месте.

УДК 598.2

ББК 28.693.35

ISBN 978-5-00-223124-9

© Слат Д., 2020

© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

Пролог	12
Предисловие	14
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Крещение льдом	17
1	17
2	23
3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30
Комментарии	

Джонатан Слат

Совы во льдах: Как спасали самого большого филина в мире

Переводчик *Елена Борткевич*

Научный редактор *Сергей Волков, канд. биол. наук*

Редактор *Роза Пискотина*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Тарасова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *О. Петрова, Е. Рудницкая, Л. Татнинова*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Арт-директор *Ю. Буга*

Иллюстрация обложки *Getty Images, [Shutterstock.com](https://www.shutterstock.com)*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Jonathan C. Slaght, 2020

© Карты. Jeffrey L. Ward, 2020

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

ДЖОНАТАН СЛАТ

СОВЫ ВО ЛЬДАХ

КАК СПАСАЛИ
САМОГО БОЛЬШОГО
ФИЛИНА В МИРЕ

Перевод с английского

МОСКВА
2023

Посвящается Карен

Кругом нас творилось что-то невероятное. Ветер бушевал неистово, ломал сучья деревьев и переносил их по воздуху... Огромные старые кедры раскачивались из стороны в сторону, как тонкоствольный молодняк. Теперь уже ни гор, ни неба, ни земли – ничего не было видно. Все кружилось в снежном вихре... Мы забились в свои палатки и в страхе притихли.

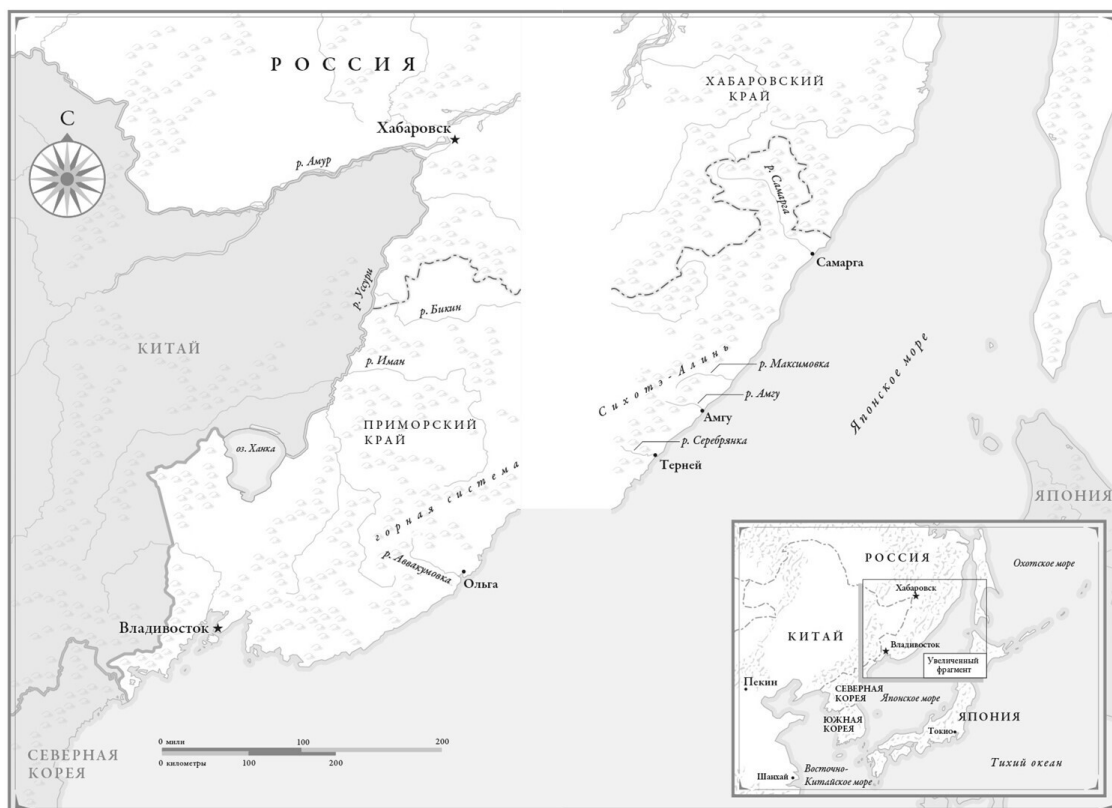
ВЛАДИМИР АРСЕНЬЕВ.

По Уссурийскому краю (1921)¹

Владимир Арсеньев (1872–1930) – исследователь, натуралист и автор многочисленных трудов о рельефе, природе и жителях Приморского края России. Он одним из первых в России отважился на рискованное путешествие по описанным в этой книге лесам.

¹ Арсеньев В. По Уссурийскому краю. – М.: Мысль, 1987.

Пролог

Впервые я увидел дальневосточного рыбного филина в Приморье – прибрежной полоске российской земли, упирающейся на юге в чрево Северо-Восточной Азии. Это далекий край, по соседству с которым Россия, Китай и Северная Корея сходятся узлом гор и колючей проволоки. В 2000 году во время похода по приморской тайге^[1] мы с приятелем случайно вспугнули огромную птицу. Она поднялась в воздух, сердито ухая и тяжело хлопая крыльями, а потом на мгновение примостилась в лишенной листьев кроне, в десятках метров над нашими головами. Взъерошенная громада цвета древесной щепы настороженно смотрела на нас своими пронзительно-желтыми глазами. В тот момент мы еще не совсем понимали, что за птицу встретили на своем пути. Было очевидно, что это сова, но по размерам она превосходила всех, что мне довелось видеть: величиной примерно с орла, но пышнее и объемнее, с внушительными кисточками на ушах. На фоне подернутого сероватой дымкой зимнего неба она казалась слишком большой и комичной, чтобы быть настоящей птицей, будто кто-то второпях обклеил годовалого медвежонка пригоршнями перьев, а затем водрузил ошарашенное животное на дерево. Решив, что мы представляем для нее угрозу, птица улетела прочь, с треском продираясь через деревья и обламывая своими двухметровыми крыльями ветви. Облетевшие хлопья коры еще парили в воздухе, когда она скрылась из виду.

На тот момент я уже пятый год подряд приезжал в Приморье. В детстве и юности большую часть времени я проводил в городах, и в моей картине мира преобладали ландшафты, созданные человеком. Однажды летом, когда мне исполнилось девятнадцать, отец взял меня с собой в командировку. Мы летели из Москвы^[2], и я увидел, как лучи солнца вспыхивают и прокатываются по зеленому морю гор, буйному, густому, нетронутому. Передо мной то взмывали ввысь, то спускались в долины величественные волны горных хребтов, которые проносились мимо километр за километром, пока я завороженно смотрел на них. Ни селений, ни дорог, ни людей – ничего этого не было. Таким я увидел Приморье. И влюбился.

После того короткого первого посещения я на полгода вернулся в Приморье в качестве студента, а потом провел там три года как волонтер Корпуса мира². Поначалу я наблюдал за птицами от случая к случаю; это хобби появилось у меня еще в студенческие годы. Однако с каждой следующей поездкой на Дальний Восток мое восхищение первозданной красотой Приморского края росло. Я всерьез увлекся наблюдением за птицами. В Корпусе мира я сдружился с местными орнитологами, поднаторел в русском языке и теперь все свободное время проводил, распознавая голоса местных птиц, и повсюду следовал за коллегами, изучая птичье пение и помогая в различных исследовательских проектах. Именно тогда я впервые увидел рыбного филина и понял, что мой интерес вполне может перерасти в профессию.

О существовании рыбных филинов я знал с тех самых пор, как познакомился с Приморьем. Для меня эти птицы были чем-то вроде прекрасной идеи, которую сложно передать словами. Меня влекла к ним та же непостижимая сила, какая владела мной, когда я мечтал оказаться в каком-нибудь далеком таинственном месте, хотя ничего о нем толком не знал. Я размышлял о рыбных филинах и чувствовал прохладу таежных лесов и запах мха, которым поросли прибрежные камни.

После того как мы спугнули филина, я перелистал потрепанные страницы полевого справочника, но безрезультатно – таких птиц там не было. Нарисованный там рыбный филин походил скорее на унылый мусорный бак, чем на развязного гоблина, которого мы только что видели, и никак не соответствовал моим представлениям о нем. И все же мне не пришлось

² Корпус мира – независимое федеральное агентство правительства США, гуманитарная организация, которая направляет добровольцев в бедствующие страны для оказания помощи. – *Прим. пер.*

слишком долго гадать, что за птицу я встретил: я успел снять несколько кадров. Сделанные мной зернистые изображения попали к Сергею Сурмачу, орнитологу из Владивостока – единственному в Приморском крае специалисту по рыбным филинам. Как выяснилось, ученые давно уже не встречали дальневосточного рыбного филина в этих широтах^[3], и мои снимки стали лучшим подтверждением того, что этот редкий вид пернатых отшельников все еще существует.

Предисловие

Защитив в 2005 году в Университете Миннесоты дипломную работу^[4] о влиянии лесозаготовок на жизнь певчих птиц Приморского края, я стал искать связанную с этим регионом тему для кандидатской диссертации. Меня интересовали вопросы сохранения живой природы, и список видов быстро сузился до черного журавля и рыбного филина – двух наименее изученных и наиболее притягательных пернатых, обитающих в этом регионе. Рыбные филины нравились мне больше, но, зная, насколько скудны сведения о них, я беспокоился, что численности птиц окажется недостаточно для полноценного исследования. Пока я раздумывал над этим, мне случилось отправиться на несколько дней в поход по лиственничным марям – открытому заболоченному пространству с чахлыми деревцами, которые росли на равном расстоянии друг от друга, возвышаясь над густым ковром из душистого багульника. Поначалу мне там понравилось, но спустя какое-то время отсутствие укрытия от солнца, головная боль от тяжелого аромата багульника и тучи гнуса меня доконали. Тут меня осенило: это же типичная среда обитания черного журавля. Да, рыбный филин – птица редкая, и тратить на него время и силы рискованно, но мне хотя бы не придется провести следующие пять лет, таскаясь по заболоченным лиственничным лесам. Мой выбор пал на рыбного филина.

Благодаря репутации выносливого, приспособленного к суровым природным условиям существа рыбный филин стал почти таким же символом Приморья, как амурский (или уссурийский) тигр. Но несмотря на то что оба вида обитают в одних и тех же лесах и находятся под угрозой исчезновения, о жизни пернатых охотников на лосося мы знаем гораздо меньше. Первое гнездо рыбного филина обнаружили^[5] в России только в 1971 году, а в 1980-х годах в стране, по некоторым оценкам^[6], обитало от 300 до 400 пар этих птиц. Их будущее вызывало серьезные опасения. Кроме того, что для гнездования рыбным филинам нужны большие деревья, а для пропитания – богатые рыбой реки, о них мало что было известно.

К началу 1980-х годов на другом берегу моря, в Японии^[7], всего в нескольких сотнях километров отсюда, численность рыбного филина не превышала сотни особей, тогда как в конце XIX века их насчитывалось в пять раз больше. Тамашняя популяция оказалась в осаде, лишившись мест гнездования из-за вырубki лесов и источника пищи из-за строительства речных дамб, перекрывших традиционные пути миграции лосося вверх по течению. Рыбных филинов Приморья от подобной судьбы уберегли инерция советской системы, слаборазвитая инфраструктура и низкая плотность населения. Но в условиях свободного рынка в 1990-е годы появились богатство, коррупция, и на нетронутые природные ресурсы Северного Приморья, считавшиеся главной защитой рыбного филина, устремились алчные взгляды.

Рыбные филины России оказались под ударом. Когда вид живет рассредоточенно и размножается медленными темпами, любое масштабное или продолжительное вмешательство в естественную среду его обитания может означать стремительное сокращение численности популяции. Подобное наблюдалось в Японии, а для России могло обернуться исчезновением одной из самых таинственных и замечательных птиц. Российский закон защищал и рыбных филинов, и другие виды животных, находящиеся под угрозой исчезновения^[8], – запрещалось не только убивать их, но и разрушать места их обитания, – но из-за отсутствия точного представления о том, каковы их потребности, невозможно было разработать действенный план по их сохранению. В отношении рыбных филинов подобных мер не принималось^[9], и к концу 1990-х годов ранее недоступные леса Приморья все чаще становились местами добычи ресурсов. Необходимо было как можно скорее разработать продуманную стратегию сохранения рыбного филина.

Сохранение и защита – разные вещи. Для защиты рыбных филинов мне не понадобилось бы проводить исследования: я лоббировал бы в правительстве запрет на лесозаготовку

и рыбный промысел в Приморье. Эти обширные меры оградили бы рыбных филинов от опасности, устранив любые угрозы их существованию. Но помимо их нереалистичности, такие шаги не учитывали бы интересы двух миллионов жителей региона, значительная часть которых зарабатывает на жизнь тем, что валит лес и ловит рыбу. Потребности рыбного филина и человека в Приморье неразрывно связаны; и те и другие веками зависели от одних и тех же ресурсов. До того как закидывать в реки сети и рубить деревья для строительства и продажи стали русские, этим занимались маньчжуры и коренные народы. Удэгейцы и нанайцы^[10] изготавливали красивую вышитую одежду из рыбьей кожи и строили лодки, выдалбливая их из стволов исполинских деревьев. Потребности рыбного филина в этих ресурсах всегда оставались скромными, а вот запросы людей со временем только росли. Моей целью было вернуть равновесие в эти отношения, сохранить необходимые природные ресурсы, и научное исследование было единственным способом понять, как это сделать.

В конце 2005 года я назначил встречу с Сергеем Сурмачом в его офисе во Владивостоке. Он сразу мне понравился: невысокий, подтянутый, с добрыми глазами и копной буйных волос. У него была репутация человека, открытого к взаимодействию, поэтому я надеялся, что он примет мое предложение о сотрудничестве. Я объяснил ему свой интерес к рыбным филинам тем, что пишу кандидатскую диссертацию в Университете Миннесоты, а он рассказал мне все, что знал об этих птицах. По мере обсуждения взаимная симпатия росла, и вскоре мы договорились о совместной работе: мы собирались как можно подробнее изучить тайную жизнь рыбных филинов и использовать полученную информацию для разработки реалистичного плана по их сохранению. Ключевой вопрос нашего исследования был обманчиво прост: какие особенности ландшафта важны для выживания рыбного филина? Мы уже имели общее представление^[11] об этом: большие деревья и много рыбы, но у нас ушли годы на то, чтобы понять все нюансы. Если не считать эпизодических наблюдений наших предшественников-натуралистов, мы начинали практически с нуля.

Сурмач имел обширный опыт полевых исследований. У него было все необходимое для продолжительных экспедиций в отдаленные уголки Приморья: огромный ГАЗ-66 повышенной проходимости, оборудованный жилым отсеком с дровяным отоплением, несколько снегоходов и небольшая команда полевых ассистентов, которые знали, где искать рыбных филинов. Мы договорились, что во время нашего первого совместного проекта Сурмач и его команда возьмут на себя основную часть логистики и кадровые вопросы на территории России, я же познакомлю их с современной методологией и обеспечу большую часть финансирования проекта посредством исследовательских грантов. Мы разделили работу на три этапа. На первом этапе, который займет две-три недели, мы готовимся. Далее в течение двух месяцев определяем исследуемую популяцию рыбного филина. Заключительный этап – отлов птиц и сбор данных; на это уйдет четыре года.

Я ликовал^[12]: ничего общего с устаревшим, кризисным подходом, когда обессиленные и недополучающие финансирования биологи борются за то, чтобы предотвратить исчезновение животных там, где экологический урон уже нанесен. Большая часть Приморья по-прежнему оставалась нетронутой. Коммерческие интересы еще не успели одержать здесь победу. И пусть мы сосредоточили внимание только на одном из вымирающих видов – рыбном филине, – наши рекомендации по управлению лесным хозяйством могли помочь защитить целую экосистему.

Зима считалась самым подходящим временем для поиска рыбных филинов – в феврале они начинали активно токовать и оставляли следы на заснеженных берегах рек, – но у Сурмача в тот момент было много работы. Возглавляемая им неправительственная организация заключила многолетний контракт, по условиям которого должна была отслеживать популяции птиц на острове Сахалин, и ученому приходилось проводить зимние месяцы в переговорах по решению организационных вопросов. Поэтому, несмотря на регулярные консультации с Сурмачом,

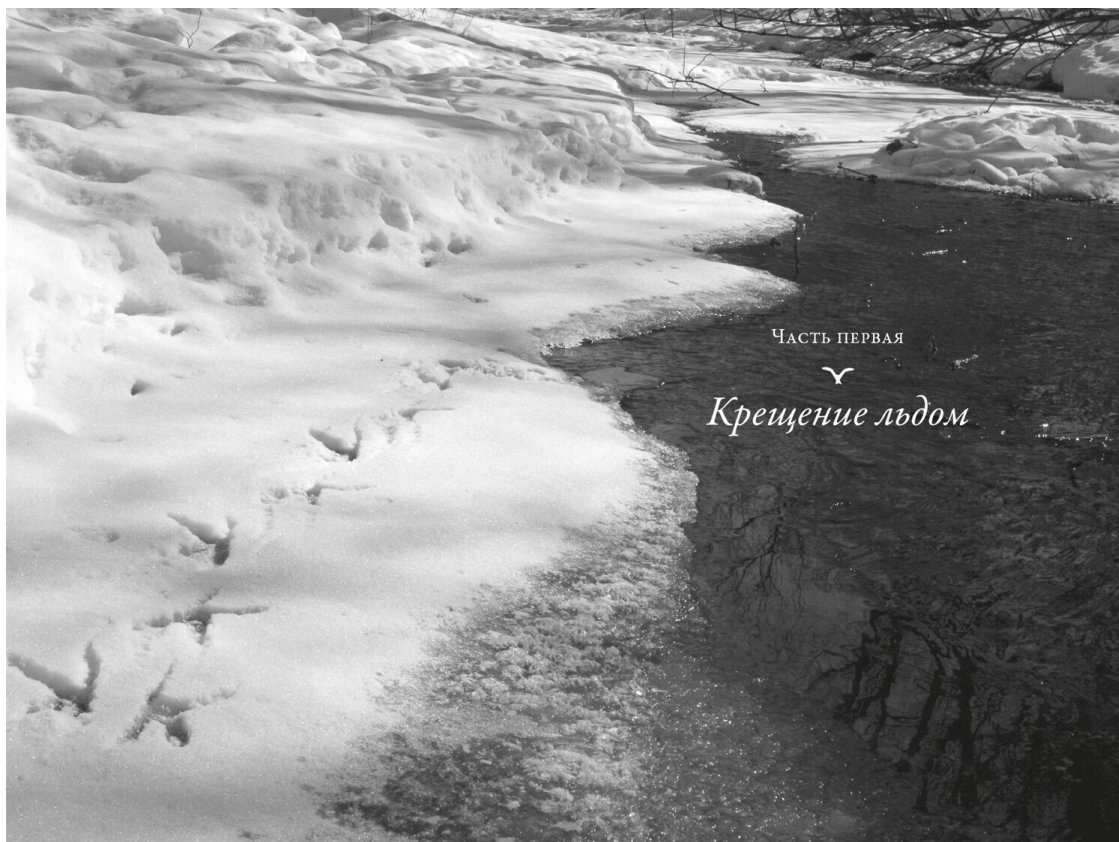
мне так и не удалось поработать с ним в полевых условиях. Вместо этого в качестве доверенного лица он прислал своего старого друга и знатока тайги Сергея Авдеюка. С середины 1990-х годов Авдеюк и Сурмач совместно трудились над изучением рыбных филинов.

Экспедиция в бассейн реки Самарги, самый северный район Приморья, стала первым этапом нашего проекта. Там мне предстояло научиться искать филинов. Бассейн Самарги был местом уникальным^[13] – последняя полностью бездорожная зона водосбора в крае, однако лесозаготовки подступали все ближе. В 2000 году совет коренного народа удэге^[14] в Агзу, одном из двух населенных пунктов на все 7280 квадратных километров бассейна реки, принял решение пустить лесозаготовителей на свои исконные земли. Это сулило появление новых рабочих мест и строительство дорог; но легкий доступ к территории вкупе с растущим населением наносил ей ущерб и становился причиной браконьерства, лесных пожаров и других проблем. Рыбный филин и тигр далеко не единственные виды животных, которые пострадали в итоге. К 2005 году руководство лесозаготовительного предприятия, зная о том, что местное население и региональные ученые недовольны этим соглашением, пошло на ряд беспрецедентных компромиссов. Первый и главный из них заключался в том, что компания обязывалась вести свою деятельность с оглядкой на требования ученых. В отличие от большинства трасс Приморья главная дорога должна была пойти высоко над долиной реки, а не вблизи экологически уязвимого водотока, а в некоторых районах, представляющих высокую природоохранную ценность, предполагалось запретить вырубку леса. Сурмач входил в научную коалицию, которой поручили оценить экологическую ситуацию в пойме реки, прежде чем начать строительство дороги. Полевой команде под руководством Авдеюка дали задание выявить территории обитания рыбного филина на реке Самарге, то есть зоны, где нельзя рубить лес.

Участвуя в экспедиции, я не только помогал защищать рыбных филинов в районе Самарги, но и приобретал важный опыт, осваивая искусство их поиска. Потом эти навыки пригодились мне на втором этапе нашего проекта, когда мы определяли исследуемую популяцию. Сурмач и Авдеюк составили список наиболее доступных районов леса, где им уже доводилось слышать крики рыбных филинов, и отметили несколько мест, где стояли гнездовые деревья. Благодаря этому нам было с чего начать предварительные поиски, и мы с Авдеюком немало поездили по этим и другим местам, обследуя обширную территорию площадью 20 000 квадратных километров вдоль побережья Приморского края. Через год после того, как мы обнаружили несколько рыбных филинов, мы вернулись и приступили к третьей, завершающей и самой продолжительной стадии проекта: отлову птиц. Снарядив как можно больше филинов незаметными, похожими на рюкзаки передатчиками, мы смогли в течение четырех лет отслеживать их передвижения и записывать, куда они летают. Такие сведения давали нам четкое представление о том, какие условия необходимы рыбным филинам для выживания, что в дальнейшем позволило нам разработать план по их сохранению.

Что же нас ждало впереди?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Крещение льдом

1

Поселок под названием Ад

Вертолет задерживался. Я ждал его в прибрежном поселке Терней, в 300 километрах к северу от того места, где впервые увидел рыбного филина. Был март 2006 года, и я проклинал метель, из-за которой вертолет не мог подняться в воздух: мне не терпелось поскорее попасть в Агзу, населенный пункт в бассейне реки Самарги. Терней с его 3000 жителей был в этом краю самым северным анклавом цивилизации сколько-нибудь значимых размеров. Население чуть более отдаленных деревень вроде Агзу насчитывало несколько сотен, если не десятков, жителей.

В такой обстановке среди низеньких домов с печным отоплением я больше недели прождал своего рейса. За окнами единственной комнатки аэровокзала неподвижно стоял советский Ми-8, его серебристо-синий корпус подернулся инеем и потускнел, а вокруг бушевали снежные вихри. В Тернее я привык к ожиданиям: мне пока еще не доводилось летать на этом вертолете, а автобусы до Владивостока, который находился в 15 часах пути к югу от поселка, ходили только два раза в неделю, часто опаздывали и ломались. К тому времени я уже более десяти лет регулярно приезжал и подолгу жил в Приморье; ожидание было неотъемлемой частью жизни.

Спустя неделю пилотам наконец дали разрешение на вылет. Провожая меня в путь, Дейл Микелл, специалист по амурским тиграм, живший тогда в Тернее, вручил мне 500 долларов в конверте. Ссуда, пояснил он, на тот случай, если придется выпутываться из неприятностей. Он бывал в Агзу, а я нет: он знал, что меня там ждет. Я приехал на окраину поселка,

к взлетно-посадочной полосе – расчищенному от вековых деревьев участку на берегу Серебрянки. Здесь, всего в нескольких километрах от места впадения в Японское море, река течет по широкой долине, обрамленной с обеих сторон низкими горами Сихотэ-Алиня.

Взяв в кассе билет, я смешался с беспокойной толпой старушек, детей, охотников – местных и городских. Закутавшись в толстые драповые пальто и не выпуская из рук чемоданов, они стояли снаружи и ждали приглашения на посадку. Такие продолжительные метели случались здесь нечасто, но теперь все мы стали заложниками непогоды.

В толпе было человек двадцать, а вертолет мог принять на борт не более 24 пассажиров без багажа. Мы с тревогой смотрели, как рабочий в синей спецовке то и дело носит коробки с продовольствием к вертолету, а второй – в таком же синем комбинезоне – грузит их на борт. У каждого из нас зародилось подозрение, что вертолет не сможет вместить всех, кому продали билеты, – загруженные в него ящики и мешки занимали ценное пространство, – но при этом каждый намеревался непременно протиснуться в крохотный проем металлической дверки. Там, в Агзу, команда Сурмача уже ждала меня восемь дней, и если я не попаду на этот рейс, то они, скорее всего, продолжат путь без меня. Я пристроился за дородной пожилой женщиной: по опыту я знал, что лучший способ обеспечить себе место в автобусе – следовать за таким человеком по пятам, ведь это все равно что ехать за машиной скорой помощи в пробке. И я подумал, что здесь это тоже сработает.

Приглашение на посадку дали едва слышно, и мы стеной ринулись в атаку. Прорвавшись к вертолетной лестнице, я влез по ней в салон и стал лавировать между ящиками с картофелем, водкой и другими атрибутами русской деревенской жизни. Моя «неотложка» уверенно двигалась вперед, и я проследовал за ней в конец салона, где меня ждал иллюминатор и немного свободного пространства для ног. Постепенно количество пассажиров на борту превысило требования безопасности, и, хотя вид из окна по-прежнему был в моем распоряжении, пространством для ног мне пришлось поступиться из-за огромного мешка, вероятно с мукой, навалившегося на мои ступни. Наконец, на радость экипажу, отнюдь не бесконечное пространство салона заполнилось, и винты закрутились, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, завораживая пассажиров своим неистовым вращением. Ми-8 дрогнул, оторвался от земли, с ревом пронесся низко над Тернеем, заложил вираж влево и заскользил над Японским морем, отбрасывая тень на северо-восточную оконечность Евразии.

Под нами тянулось побережье, неловко втиснувшееся узкой полосой гальки между горами Сихотэ-Алиня и Японским морем. В этом месте горный хребет резко обрывался, и заросшие долговязым монгольским дубом склоны неожиданно сменялись отвесными скалами – некоторые из них высотой с 30-этажный небоскреб. Их монотонный серый цвет изредка нарушали коричневые вкрапления земли и цепляющаяся за камни растительность либо белые подтеки, выдающие присутствие гнезда хищной птицы или вбрана. Голые дубы на верхушках скал были старше, чем казалось. Из-за суровых условий, в которых они жили – ветров, холодов и туманов, окутывающих берег на протяжении большей части вегетационного периода, – они оставались низкорослыми и тонкими. Далеко внизу зимний прибой украсил густым, льдистым глянцем каждый камень, до которого мог добраться морской туман.

Примерно через три часа после вылета из Тернея Ми-8 приземлился, мерцая на солнце сквозь вихри потревоженного снега, и я увидел нестройные ряды снегоходов, сгрудившихся вокруг аэродрома – расчищенной от леса площадки с избушкой. Пока пассажиры высаживались, экипаж занимался разгрузкой, освобождая место для обратного рейса.

Ко мне с деловым видом подошел удэгейский паренек лет четырнадцати в кроличьей ушанке, из-под которой кое-где торчали черные вихры. Он сразу признал во мне чужака. Бородатый молодой человек 28 лет, я никак не походил на местных: мои русские сверстники, как правило, ходили чисто выбритыми, да и пухлая красная куртка выделялась на фоне при-

глушенных оттенков серого и черного, принятых среди русских мужчин. Паренек поинтересовался, что привело меня в Агзу.

– Ты когда-нибудь слышал о рыбных филинах? – спросил я по-русски; в экспедиции, да и на протяжении всего исследовательского проекта мне предстояло разговаривать исключительно на этом языке.

– Рыбные филины. Типа птицы? – ответил он.

– Вот их-то я и приехал искать.

– Так вы птиц ищите... – протянул паренек с ноткой озадаченности в голосе, будто гадая, правильно ли он меня понял.

Потом спросил, есть ли у меня знакомые в Агзу. А услышав, что нет, удивленно округлил глаза и поинтересовался, встретят ли меня. Я сказал, что надеюсь на это. Он нахмурил брови, нацарапал свое имя на обрывке газеты и вручил его мне, пристально глядя в глаза.

– Агзу не то место, куда можно приехать просто так, – сказал он. – Если вам негде будет переночевать или понадобится помощь, спросите в поселке, как меня найти.

Как и те дубы на побережье, этот паренек рос в суровых условиях, и за его юной внешностью скрывался опыт. Я почти ничего не знал про Агзу, но слышал, что временами здесь бывает опасно: прошлой зимой в поселке избили приезжего метеоролога, русского (но все равно чужака), сына моего знакомого из Тернея, его оставили в снегу без сознания, и он замерз насмерть. По официальной версии, убийцу так и не нашли: в таком крошечном поселке, как Агзу, где все друг друга знают, имя убийцы наверняка было известно каждому, но никто не сказал следователям ни слова. Так или иначе, наказание было их делом.

Скоро я различил в толпе Сергея Авдеюка, руководителя нашей полевой команды. Он приехал встречать меня на снегоходе. Мы сразу же узнали друг друга по броскому цвету теплых пуховиков, но никому и в голову не пришло бы принять Сергея за иностранца – уж точно не с его короткой стрижкой, полным ртом золотых зубов, извечной сигаретой и уверенной манерой человека, чувствующего себя в своей стихии. Он был моего роста – 1,8 метра или около того, – широкое смуглое лицо с легкой порослью щетины украшали солнечные очки, которые служили защитой от ослепительных бликов на снегу. И хотя план самаргинской экспедиции как первого этапа нашего проекта разрабатывали мы с Сурмачом, руководил ею, вне всякого сомнения, Авдеюк. Он имел большой опыт работы с рыбными филинами и хорошо знал тайгу, поэтому я прислушивался к его мнению на протяжении всей поездки. Авдеюк и еще два члена команды добрались до бассейна реки Самарги несколькими неделями ранее на лесовозе из портового поселка Пластун, расположенного в 350 километрах к югу. Они привезли с собой два снегохода, самодельные сани, доверху груженные всем необходимым, и запасы бензина в бочках. С побережья они двинулись напрямик в верховье реки, преодолев добрую сотню километров и оставив по пути тайники с топливом и провиантом, после чего повернули назад и стали методично прокладывать обратный путь к побережью. Они сделали остановку в Агзу, чтобы встретиться со мной, рассчитывая задержаться здесь всего на пару дней, но им, как и мне, пришлось ждать, пока не утихнет пурга.

Агзу не только самое северное, но и самое изолированное поселение Приморья. Деревенька с населением в 150 человек, большинство из которых удэгейцы, стоит на берегу одного из притоков Самарги и порядком отстала от жизни. В советское время она слыла центром охотничьего промысла: в ней жили профессиональные охотники, получавшие зарплату от государства. Вертолеты привозили с собой деньги, а увозили меха и мясо. После того как в 1991 году Советский Союз распался, не заставила себя долго ждать и организованная индустрия заготовки мяса и дичи. Вертолеты прилетать перестали, а стремительная инфляция, последовавшая за падением советского режима, оставила охотников с охапками обесценившихся советских рублей. Желающие уехать просто не могли этого сделать: им не хватало средств. Не имея выбора, они вернулись к натуральному хозяйству. В какой-то момент торговля в Агзу перешла

на бартерную систему: в поселковом магазине свежее мясо обменивали на привезенные из Тернея товары.

Еще относительно недавно самаргинские удэгейцы селились рассредоточенными стойбищами на всем протяжении реки, но в 1930-е годы, в период советской коллективизации, их становища разрушили, а народ согнали в четыре деревни, самой крупной из которых стала Агзу. Отчаяние и беспомощность^[15] людей, вынужденных против своей воли участвовать в коллективизации, отразились в названии их селения: Агзу, вероятно, образовано от удэгейского *огзо*, что значит «ад».

Сергей направил снегоход в сторону от утрамбованной дороги, ведущей через поселок, и остановился перед одним из домишек, хозяин которого надолго ушел в тайгу на охоту. Поскольку дом пустовал, нам разрешили в нем пожить. Это была самая настоящая русская изба, которая мало чем отличалась от остальных построек в Агзу: одноэтажное строение под двускатной крышей, с широкими резными наличниками и двойными рамами окон. Перед домом двое мужчин разгружали вещи и, увидев нас, подошли поздороваться. Современные утепленные комбинезоны и зимние сапоги подсказывали, что передо мной остальная часть команды. Сергей закурил очередную сигарету и представил нас друг другу. Первым был Толя Рыжов, коренастый, смуглый, круглолицый, с пышными усами и мягким взглядом. Толя отвечал за фото- и видеосъемку. В России почти не было видеоматериалов о рыбных филинах, и, если нам попадется какой-нибудь из них, Сурмач хотел заручиться доказательствами. Второй – Шурик Попов, невысокий и спортивный, с темно-русскими короткостриженными, как у Сергея, волосами и удлинённым лицом, задубевшим от постоянного пребывания на открытом воздухе; хилая поросль на щеках выдавала его тщетные попытки отрастить бороду. Шурик был незаменимым помощником: какую бы работу ему ни поручили – выпотрошить десяток рыбин к ужину или залезть без подстраховки на трухлявое дерево, чтобы проверить, нет ли там гнезда филина, – он выполнял ее быстро и без возражений.

Расчистив снег, мы смогли открыть ворота и через двор вошли в дом. Пройдя маленькие темные сени, я распахнул дверь, за которой обнаружилась кухня, и вдохнул холодный, спертый воздух, тяжелый от вонючего древесного дыма и сигарет. Изба оставалась под замком и не отапливалась с тех самых пор, как хозяин ушел в лес, но застоявшийся смрад еще не успел выветриться из помещения. Пол вокруг печки устилало крошево обвалившейся со стен штукатурки вперемешку с раздавленными сигаретными окурками и спитыми чайными пакетиками.

Пройдя через кухню и первую из двух боковых комнат, я попал в последнюю. Избу разделяли грязные узорчатые простыни, неровно висящие в дверных проемах. На полу в задней комнате было так много штукатурки, что при каждом шаге она хрустела под ногами, а возле стены под окном обнаружились какие-то маленькие красные кусочки, по виду – замерзшее мясо с шерстью.

Сергей принес из поленницы охапку дров и разжег печь, предварительно создав тягу с помощью газет, так как нужно было избавиться от воздушной пробки, которая образовалась в дымоходе из-за разницы температур внутри дома и за его стенами. Если развести огонь слишком быстро, то тяги не будет и дым пойдет внутрь. Такие дровяные печи, сложенные из кирпича и увенчанные толстым листом из железа, на котором можно готовить пищу и кипятить воду, встречались в большинстве дальневосточных изб. Как правило, их размещали в углу кухни и встраивали в стену таким образом, чтобы теплый воздух проходил через расположенную внутри нее извилистую систему, прежде чем выйти из трубы наружу. Такая конструкция под названием *русская печка* позволяет кирпичной стене сохранять тепло в течение долгого времени после того, как погаснет огонь, и тем самым согревать не только кухню, но и смежную с ней комнату. Неряшливость нашего таинственного хозяина распространялась и на печь: несмотря на усердные старания Сергея, дым просачивался сквозь бесчисленные щели, отчего воздух в помещении стал пепельно-серым.

Мы занесли вещи в дом, сложив часть из них в сених, и вместе с Сергеем развернули карты бассейна реки Самарги, чтобы обсудить дальнейшие действия. Он показал мне участок главного русла и некоторые из притоков в верховьях реки, которые они уже успели обследовать в поисках рыбного филина. Они обнаружили около десятка территориальных пар^[16], что говорит об очень высокой плотности популяции для этого вида. Нам предстояло обследовать оставшиеся 65 километров вниз по реке до поселка Самарга, а также часть побережья и лес в районе самого Агзу. Работы было много, а времени у нас осталось в обрез: близился конец марта, и вынужденное ожидание сильно сократило наши сроки. Таял лед на реке, которая была для нас единственным возможным маршрутом передвижения за пределами Агзу. В таких условиях передвигаться на снегоходах становилось все сложнее, и мы опасались, что при стремительном начале половодья застрянем где-нибудь на реке между поселками Агзу и Самарга. Сергей считал, что следующую неделю нам следует посвятить обследованию окрестностей Агзу, а заодно посмотреть, какими темпами тает снег. Он предлагал каждый день спускаться на 10–15 километров ниже по течению, а вечерами возвращаться в Агзу на ночлег. В этих глухих краях ни в коем случае нельзя упускать возможность провести ночь в тепле: покинь мы Агзу, пришлось бы спать в палатках. Мы собирались обследовать эту территорию за неделю, а после отправиться в Вознесенку, охотничью заимку, расположенную в 40 км вниз по течению от Агзу и в 25 километрах от побережья.

В первый же вечер, пока мы ужинали макаронами с говяжьей тушенкой, к нам в гости пожаловали деревенские; они бесцеремонно водрузили на стол четырехлитровую бутылку неразбавленного спирта, ведро сырого лосиного мяса и в придачу несколько желтых луковиц. В обмен на свои подношения они ждали от нас интересной беседы. Я уже привык к тому, что здесь, в Приморье, которое до 1990-х годов существовало изолированно от остального мира, иностранцы были в новинку. Местные любили послушать про то, как на самом деле живет в Санта-Барбаре, которую они знали по телесериалу, расспрашивали меня, болею ли я за «Чикаго Буллз» – в 1990-е годы эти культурные символы Америки стали популярны в России, – а еще им нравилось, когда я говорил что-нибудь лестное об их глубинке. В Агзу же и вовсе любого гостя считали чуть ли не звездой. Тут не имело значения, что я приехал из Соединенных Штатов, а Сергей – из Дальнегорска: мы оба были пришельцами из экзотических мест, а значит, впереди их ждал вечер за интересным разговором и хмельное застолье с новыми людьми.

Время шло, гости приходили и уходили, котлеты из лосиного мяса давно пожарили и съели, а спирт в бутылке постепенно убывал. В комнате стоял чад табака и печного дыма. Я тоже выпил несколько стопок, закусывая мясом и сырым луком и слушая охотников, которые старались произвести друг на друга впечатление историями о походах, встречах с тиграми и медведями и о реке. Кто-то спросил меня, почему я не изучаю рыбных филинов на родине – ведь мне стоило немалых усилий проделать нелегкий путь до Самарги, – и с удивлением услышал, что рыбные филины не водятся в Северной Америке. Эти охотники ценили дикую природу, но, похоже, не понимали, насколько уникален окружающий их лес.

Наконец я пожелал всем спокойной ночи и удалился в заднюю комнату, задернув дверной проем простыней, чтобы хотя бы как-то отгородиться от дыма и громкого хохота засидевшихся далеко за полночь гостей. Там я надел налобный фонарь и принялся листать копии статей о рыбном филине, которые мне удалось найти в русских научных изданиях, – словно студент, который пытается вы зубрить материал накануне экзамена. Сведений было совсем немного. В 1940-х годах орнитолог Евгений Спангенберг^[17] одним из первых в Европе начал изучать рыбных филинов. Его статьи содержали общую информацию о том, где их можно встретить: у чистых холодных рек с разветвленным руслом, в которых в избытке водится лосось. Позже, в 1970-е годы, другой российский орнитолог, Юрий Пукинский^[18], написал несколько научных работ по итогам своих наблюдений за рыбными филинами на реке Бикин в северо-западном

Приморье, где он собирал сведения о гнездовом поведении и токовании этих птиц. И напоследок у меня было еще несколько статей Сергея Сурмача^[19], чьи исследования в основном касались моделей распределения рыбного филина на территории Приморья. Наконец я заполз в спальный мешок, не снимая кальсон и фуфайки, и вставил беруши. Я с нетерпением ждал завтрашнего дня.

2

Первые поиски

Той ночью где-то в окрестностях Агзу рыбные филины ловили лосося. Для этих птиц звуки не очень важны, поскольку их жертвы в основном обитают под водой и безразличны к слуховым нюансам наземного мира. В то время как большинство видов сов^[20] могут выслеживать шныряющих в лесной подстилке грызунов по звуку – сипуха, например, легко справляется с этим в кромешной тьме, – рыбный филин должен охотиться на добычу, которая движется под водой. Различия в охотничьей стратегии^[21] проявляются в анатомических особенностях: многие совы имеют отчетливый лицевой диск – характерные концентрические круги специализированных перьев, которые направляют даже самые слабые звуки к ушным отверстиям, – а у рыбных филинов этот диск выражен слабо.

Реки, где водятся лососевые, основа рациона этих птиц, скованы льдом по многу месяцев подряд. Чтобы пережить зиму, в течение которой температура регулярно опускается ниже – 30 °С, филины накапливают большие запасы жира. Когда-то это делало их ценным источником питания^[22] для удэгейцев, которые к тому же использовали огромные крылья и хвосты съеденных птиц в качестве вееров, чтобы отгонять тучи назойливого гнуса во время охоты на оленя или кабана.

Бледный свет зари в Агзу обнажил всё ту же картину: крошево штукатурки и кусочки оленьего мяса. Воздух в доме больше не казался мне затхлым, я успел привыкнуть к нему, и наверняка всеми его запахами пропитались мои одежда и борода. На столе в соседней комнате оставались лосиные кости, пустая бутылка из-под кетчупа и чашки. Не до конца проснувшись, мы молча позавтракали хлебом с колбасой и выпили чаю, после чего Сергей вручил мне горсть леденцов, замену обеда, и велел прихватить куртку, болотные сапоги и бинокль. Мы отправлялись на поиски рыбных филинов.

Наш караван из двух снегоходов с шумом несся по Агзу, а прохожие и своры собак уступали нам дорогу, утопая в глубоких сугробах на обочине и провожая нас взглядом. Если в большинстве мест в Приморье собак держали на цепи, обрекая на уныние и злобу, то в Агзу восточносибирские лайки – выносливая охотничья порода – с гордым видом бродили по поселку вольными стаями. В последние годы эти своры разоряли местные популяции оленя и кабана: глубокий снег, выпавший за зиму, покрывала тонкая корка наста, олени копыта в нем проваливались, протыкая, будто бумагу, а мягкие собачьи лапы уверенно ступали по нему. И если лайки бросались в погоню за несчастным копытным, оно увязало в снегу, будто в зыбучих песках, и очень скоро становилось добычей ловких преследователей. У тех собак, что встретились нам по дороге, кровь въелась в шерсть, выдавая их причастность к подобным бойням.

Достигнув реки, мы разделились. Остальным членам экспедиции полевая работа была знакома не понаслышке, поэтому мы ничего особо не обсуждали. Сергей поручил Толе вести меня в курс дела. Они с Шуриком отправились на юг, в сторону поселка Самарга, а мы с Толей поехали в обратную сторону, за аэродром, и остановились у одного из притоков, впадающих в реку с северо-востока.

– Эта речка называется Акза, – сказал Толя, щурясь от солнца и окидывая взглядом склоны узкой долины, на которых сквозь голый лиственный лес просвечивали редкие сосны, склонившие ветви под тяжелыми шапками свежего снега.

Я слушал, как журчит вода в реке и встревоженно вскрикивает бурая оляпка, напуганная нашим появлением.

– Раньше сюда частенько наведывался один охотник, который еще в молодости лишился яичка при встрече с рыбным филином и с тех пор убивал их всех подряд, без разбора. Он изощрялся как мог: ставил капканы, раскладывал отраву, палил по ним из ружья. Но это так, к слову,

а нам с тобой нужно обследовать участок вверх по течению и поискать там признаки присутствия этих птиц – их следы, например, или перья.

– Постой-ка. Как это, лишился яичка при встрече с филином?

– Рассказывают, что как-то ночью он вышел из палатки, чтобы справить нужду – дело было весной, – скорее всего, он присел прямо над слётком, который только-только покинул гнездо и еще не научился летать. Почуввав опасность, рыбные филины опрокидываются на спину и защищаются когтями. Птица просто вцепилась в то, что оказалось ближе.

Толя объяснил мне, что для поиска рыбных филинов необходимы терпение и зоркий глаз. Поскольку эти птицы обычно замечают чье-то приближение издали, лучше сразу свыкнуться с мыслью, что вы вряд ли увидите кого-нибудь из них, даже если они обитают где-то поблизости, – вместо этого приглядитесь, нет ли вокруг следов их присутствия. Наша основная задача заключалась в том, чтобы не спеша обойти долину, обращая внимание на три главные вещи. Во-первых, на открытые, незамерзшие участки реки. Зимой в местах обитания рыбных филинов полыньи встречаются нечасто, поэтому если птицы живут где-то рядом, то наверняка успели побывать около них. Снег по краю таких полыней нужно тщательно обследовать и проверить, не оставила ли птица следов, когда выслеживала рыбу, или отпечатков маховых перьев, когда приземлялась и взлетала.

Во-вторых, следует искать перья: филины постоянно меняют оперение. Особенно интенсивно это происходит во время весенней линьки, когда перья длиной до 20 сантиметров с мягким пуховым опахом выпадают и парят в воздухе, а их бородки, будто тысячи щупалец, норовят зацепиться за ветви рядом с полыней или гнездовым деревом; они трепещут на ветру, словно изящные флажки, тихо сообщая нам о том, что рыбный филин где-то неподалеку. Третий знак – массивное дерево с огромным дуплом. Рыбные филины такие большие, что для гнезд им требуются настоящие лесные гиганты: вековые тополя Максимовича или приземистые вязы. В отдельно взятой долине таких «голиафов» найдется немного, поэтому, обнаружив подобное дерево, стоит непременно приблизиться к нему и осмотреть. Если по соседству вы увидите пуховые перья, значит, вы почти наверняка обнаружили гнездовое дерево.

Первые несколько часов мы с Толей продвигались вдоль русла реки, и я наблюдал за тем, как он выбирает подходящие для осмотра деревья и участки воды, на которые стоит обратить внимание. Он шел не торопясь. Я заметил, что Сергей, который принимал решения мгновенно и выполнял их незамедлительно, журил Толю за кажущуюся инертность. Но благодаря своей неспешной манере Толя оказался хорошим учителем и приятным спутником. Я узнал, кроме прочего, что Толя часто работал у Сурмача, собирая материалы о жизни обитавших в Приморье птиц.

Днем мы сделали привал, чтобы заварить чай. Толя развел костер и вскипятил речной воды, а потом мы грызли леденцы, запивая чаем, и слушали, как в ветвях над нами с любопытством чирикают обыкновенные поползни. После обеда Толя предложил мне возглавить поход, призвав на помощь интуицию и те знания, что я перенял у него утром, пока он руководил наблюдениями. Один из участков реки, который я предложил осмотреть, Толя отверг как слишком глубокий – в таких местах филины не охотятся, – вокруг другого росло много ив, отчего крупные птицы вряд ли смогли бы подлететь к нему близко. После того как на тихой запруде я провалился по колено под лед – к счастью, на мне были болотные сапоги, и благодаря им я не промок, – я узнал цену Толиной палке с тонким металлическим острием на конце, которой он проверял прочность льда, прежде чем ступить на него. Мы поднялись дальше по течению, туда, где склоны долины сходились узким клином и вода исчезала из виду: только снег, лед и скала.

В тот день нам так и не удалось обнаружить следов рыбного филина. С наступлением сумерек мы еще немного задержались, надеясь услышать крики филинов, но тишина в лесу была под стать нетронутому снегу у реки. Я последовал Толиному примеру и не стал придавать

большого значения отсутствию осязаемых результатов после целого дня работы. Он объяснил, что, даже если рыбные филины обитают на том самом пятачке леса, где мы находимся, нам, возможно, придется целую неделю бродить здесь и прислушиваться, чтобы обнаружить их. Услышав это, я расстроился. Одно дело – сидеть где-нибудь во Владивостоке, в уютном кабинете Сурмача, и обсуждать поиски рыбных филинов, и совсем другое – реальный процесс: тишина, темнота и холод.

В Агзу мы вернулись затемно, часов, наверное, в девять. По неверному свету на снегу, падающему из окон избы, мы поняли, что Авдеюк с Шуриком уже там. Они приготовили суп из картофеля и лосиного мяса – их преподнес кто-то из соседей – и коротали время в компании тощего охотника в большой, не по размеру, дохе, который представился нам Лёшей. На вид ему было лет сорок; его взгляд искажали толстые стекла очков, но не настолько, чтобы скрыть, насколько он пьян.

– Пью уже дней десять или двенадцать, – констатировал Лёша, не вставая из-за стола.

Пока я делился с Сергеем впечатлениями о прошедшем дне, Шурик разлил суп по тарелкам, а Толик принес из сеней бутылку водки, которую торжественно водрузил посреди кухонного стола вместе со стопками. Сергей посмотрел на него исподлобья. Традиции русского застолья предполагают, что, если к вам пришли гости и на столе появилась бутылка водки, ее придется выпить до дна. Некоторые производители водки за ненадобностью не используют даже бутылочные пробки, заменяя их алюминиевой фольгой, которая легко снимается. Бутылка либо полна, либо пуста, и промежуток между этими двумя состояниями очень короткий. В тот вечер Сергей с Шуриком надеялись отдохнуть от спиртного, а Толя не оставил им выбора. Нас было пятеро, но Толя поставил на стол только четыре стопки. Я посмотрел на него вопросительно.

– Я не пью, – ответил он на мой немой вопрос.

Это освобождало его от страданий, связанных с очередным вечерним застольем, и я заметил за ним привычку угощать гостей водкой от нашего лица, не посоветовавшись с остальными и часто очень не вовремя.

Мы ели суп, пили водку и разговаривали о реке. По словам Сергея, Самарга – река неглубокая, но скорость ее течения внушает уважение. Если кого-то угораздит провалиться под лед, он вряд ли сумеет выкарабкаться: поток затянет под воду и понесет навстречу быстрой, холодной, неотвратимой смерти. Лёша рассказал, что в минувшую зиму как раз произошло нечто подобное: пропал один из жителей деревни, а позже обнаружили его следы, которые обрывались возле узкой, темной трещины во льду, сковывавшем быструю Самаргу. Порой в низовьях реки, ближе к устью, находили останки жертв реки прошлых лет – человеческие кости, в беспорядке разбросанные на песке среди бревен и камней.

Я заметил, что Лёша не сводит с меня глаз.

– Ты где живешь? – спросил он невнятно.

– В Тернее, – ответил я.

– Оттуда родом?

– Нет, я из Нью-Йорка, – соврал я.

Это было проще, чем объяснять, что такое Миннесота и Средний Запад, человеку, который едва ли разбирался в географии Соединенных Штатов.

– Нью-Йорк... – повторил Лёша, закурил сигарету и посмотрел на Сергея с таким выражением, будто важная мысль пыталась проникнуть в его сознание сквозь густое облако обильных спиртовых испарений. – А почему ты живешь в Нью-Йорке?

– Потому что я американец.

– Американец? – Лёша выпучил глаза и снова посмотрел на Сергея. – Он что, американец?

Сергей кивнул.

Лёша еще несколько раз повторил это слово, глядя на меня с недоверием. Очевидно, ему никогда раньше не доводилось встречать иностранца, и он, конечно, представить себе не мог, чтобы кто-то из них бегло говорил по-русски. В его голове никак не укладывалось, что в родном Агзу он сидит за одним столом с неприятелем по холодной войне. Нашу беседу прервал шум с улицы, и в дом вошла небольшая компания деревенских жителей, со многими из которых я уже успел познакомиться накануне. Я хотел к утру быть в форме и поэтому потихоньку улизнул в дальнюю комнату, а Толя тем временем отправился играть в шахматы с Амплеевым, местным пенсионером, который жил в доме напротив. При свете налобного фонаря я сделал кое-какие пометки о прошедшем дне, потом залез в спальный мешок, и опять меня передернуло при виде брошенной в углу поблескивающей красной кучки мяса с шерстью. Как и речной лед, от которого зависела наша экспедиция, она начала подтаивать.

3

Зимняя жизнь в Агзу

Серый свет следующего утра застал Сергея бодрствующим с сигаретой в руке и склонившимся над остывающей дровяной печью. Он пускал в воздух клубы дыма, которые тут же подхватывало и затягивало в дымоход. Сергей посылал проклятия в адрес валявшейся возле стола громадной пустой бутылки из-под спирта и говорил, что нам надо поскорее уезжать из Агзу – алкоголь его убивает. Это не был вопрос свободы воли: пока мы находились в поселке, приходилось угождать деревенским.

Пока мы готовились к очередному дню полевых работ, Сергей предупредил меня, что мне стоит сохранять бдительность: рыбные филины очень недоверчивы по отношению к человеку, и птица может ускользнуть прежде, чем я подойду достаточно близко, чтобы рассмотреть ее. По его словам, нам на руку был шум, издаваемый ими при полете, – особенность, которая отличает рыбных филинов от прочих представителей семейства совиных. Вообще, большинство птиц летает шумно, и некоторых даже можно узнать по звукам, сопровождающим взмах крыла. Однако для обычной совы характерен совершенно бесшумный полет^[23]. Дело в том, что маховые перья на их крыльях заканчиваются бахромой из миниатюрных, похожих на гребень, удлиненных бородак, которые гасят воздушные потоки, возникающие при движении крыла, и приглушают звук. Это обеспечивает совам преимущество, когда они преследуют бегущую по земле жертву. Неудивительно, что у рыбных филинов маховые перья гладкие и лишены этого приспособления – ведь их главная добыча живет под водой. В тихую ночь особенно хорошо слышно, как вибрирует воздух под натиском тяжелых крыльев, когда мимо пронесется рыбный филин.

Наш план на день почти не отличался от вчерашнего. Полевая работа по изучению рыбного филина состояла из повторяющихся действий: поиски и еще раз поиски. Одеваться приходилось продуманно, в несколько слоев, потому что мы проводили на открытом воздухе целый день и возвращались затемно. Флисовая куртка, в которой я ходил нараспашку солнечным днем, не согрела бы меня с наступлением темноты, когда начинало холодать, а я сидел неподвижно, вслушиваясь, не прокричит ли рыбный филин. Специального снаряжения, кроме болотных сапог, для этой работы не требовалось. У Толи было кинооборудование, но он, как правило, оставлял его на базе и брал с собой только в случае, если мы обнаруживали что-то достойное съемки.

Мне в напарники опять назначили Толю, который обещал Амплееву, своему оппоненту по шахматам, что свозит его порыбачить на реку. Мы прицепили пустые сани к Толиному зеленому снегоходу и притормозили через несколько домов у избы Амплеева. Вскоре тот вышел к нам в тяжелом тулупе, опираясь на палку и прихватив с собой рыбацкий фанерный ящик, которому предстояло заменить ему стул во время рыбалки на льду. Вальяжно, будто на тахте, он развалился на санях в компании своей старой лайки, которая свернулась калачиком у него под боком и поглядывала на меня. Они оба были слишком стары для охоты, зато все еще могли рыбачить.

– Fiishhhhowwwl! – с ухмылкой сказал мне Амплеев по-английски, и мы тронулись в путь.

Толя повез нас к югу от Агзу, куда скомандовал старик, и заглушил двигатель на том участке реки, где лед был сплошь испещрен замерзшими лунками. Это место явно пользовалось популярностью среди рыбаков.

Амплеев и его лайка слезли с саней, а Толя тем временем отправился бурить для него лунки. Из свежего отверстия каждый раз неожиданно выплескивалась вода вперемешку со снежной кашей, и эта жижа растекалась по поверхности льда. Стояло начало апреля, и первые признаки весны уже сквозили в окружавшем нас замерзшем мире: редкие проталины, предвестники грядущих бурных перемен. В тот раз я впервые оказался на Самарге и еще испы-

тивал некоторый трепет и благоговейный страх. Истории, которые я слышал о реке, приписывали ей легендарные свойства: Самарга несла в Агзу жизнь, но она же воплощала собой неумолимую, враждебную силу, которая сминала, калечила, а иногда и убивала тех, кто опрометчиво терял бдительность в ее владениях.

Толя отцепил сани и сказал, что планирует поискать рыбных филинов выше по течению, но тут вдруг сообразил, что не придумал для меня занятия.

– А ты давай-ка осмотри все полыньи в округе и проверь, нет ли там следов филина, – сказал он, описывая палкой широкую дугу в воздухе. – Я вернусь примерно через час.

Он вручил мне свою палку и велел почаще ею пользоваться.

– Если ударишь ею по льду и услышишь глухой звук или почувствуешь, что лед протыкается, держись от этого места подальше.

Он уехал в сопровождении облака выхлопных газов и рева мотора.

Амплеев открыл рыболовный ящик, достал из него короткую удочку и грязную, заляпанную жиром банку, доверху наполненную замороженной лососевой икрой, потом закрыл его и уселся сверху. Старик окунул ладонь в одну из лунок, чтобы размягчить в воде несколько мутных оранжевых шариков. Он наживил крючок икринкой и забросил леску в воды Самарги. Я показал на прогалину, которую Толя предложил мне обследовать, и спросил у Амплеева, прочный ли вокруг нее лед. Он пожал плечами:

– В такое время года лед прочным не бывает.

Он вновь сосредоточил все свое внимание на лунке и стал легонько подергивать рукой, чтобы крючок с наживкой затанцевал там внизу, в полумраке. Лайка, прихрамывая, бродила неподалеку.

Я осторожно продвигался по льду, звучно пошлепывая по нему, словно боялся угодить в какую-нибудь скрытую ловушку. Стараясь держаться подальше от открытых участков воды, я осматривал заснеженные края полыней в бинокль и искал на них следы филина. Но так ничего и не находил. Вот так медленно я прошел около километра вниз по реке, передвигаясь от одной полыньи к другой, и часа через полтора услышал рев возвращавшегося снегохода. Вернувшись к месту рыбалки, я увидел, что Толя забрал Шурика и оба присоединились к Амплееву на льду, где их подрагивающие удочки то и дело вытаскивали из-под льда симу и сибирского хариуса.

Во время рыбалки Шурик рассказал мне, что он родом из того же села, что и Сурмач, – местечка под названием Гайворон, расположенного в нескольких километрах от озера Ханка на западе Приморского края. Экономическая ситуация в таких деревнях, как Гайворон, оставляет желать лучшего: отсутствие работы и повальная нищета приводят к злоупотреблению алкоголем, плохому здоровью и высокой смертности среди населения. Сурмач спас Шурика от такой судьбы: взял деревенского парня под свое крыло, научил его ловить птиц паутиными сетями, окольцовывать и отпускать их (или изготавливать чучела для музейных коллекций), показал, как правильно собирать образцы крови и тканей на анализ. Хотя Шурик не имел формального образования, он изготавливал великолепные чучела птиц, аккуратно вел дневник полевой работы и был экспертом по поиску рыбных филинов. Его способность взбираться вверх по трухлявым стволам лесных исполинов (он предпочитал делать это в одних носках), чтобы проверить, нет ли там дупла с гнездом рыбного филина, была настоящей находкой для всей команды.

В надежде услышать крики филинов мы задержались на реке до наступления темноты. Я не сводил глаз с лесных зарослей, готовый уловить малейшее движение среди ветвей. Я настоятельно реагировал на любой далекий звук. При этом у меня не было четкого представления о том, как кричат рыбные филины. Конечно, я изучал сонограммы в статьях^[24] Пукинского, написанных в 1970-е годы, и слышал, как Сурмач и Авдеюк имитируют территориальный крик

рыбного филина, но откуда мне было знать, насколько верно они отражают звуки в реальной жизни?

Рыбные филины токуют дуэтом^[25]. Эта редкая особенность^[26] встречается не более чем у 4 % птиц на Земле, большинство из которых живет в тропиках. Инициатором дуэта обычно выступает самец, который наполняет воздухом горловой мешок до тех пор, пока не раздуется, как какая-нибудь чудовищная пернатая жаба. Он замирает в таком положении, выпуклое, как шар, белое пятно на его горле заметно выделяется на фоне коричневого оперения и серых красок сгущающихся сумерек – сигнал для спутницы, что вот-вот начнется токование. Наконец филин коротко и хрипло ухает, словно человек, которому перехватило дыхание от удара, после чего самка без промедления отвечает ему, но уже тоном ниже. Довольно неожиданно для совиных, у которых самки чаще всего имеют более высокий голос, чем самцы. После этого самец издает более протяжный и высокий крик, на который опять отвечает самка. Их четырехтактная переключка длится около трех секунд, дальше дуэт повторяется снова и снова в течение неопределенного времени, от одной минуты до двух часов. Голоса звучат настолько синхронно, что, слушая вокализ пары рыбных филинов, многие думают, что это одна птица.

Но в тот вечер мы ничего не услышали. После захода солнца, окончательно озябнув и потеряв всякую надежду, мы вернулись в Агзу, где выпотрошили и пожарили наш улов, и угостили всех, кто к нам пожаловал. Мои товарищи быстро оправались от дневных неудач, переключив внимание на еду и выпивку, и я понял, что для Сергея, Шурика и Толи это просто работа. Кто-то строит дома, кто-то создает программное обеспечение. А эти ребята были профессиональными ассистентами в полевых исследованиях, готовыми искать любые виды, на изучение которых Сурмач находил деньги. Я не осуждал их за это, но для меня филины значили гораздо больше. От результатов наших поисков и от того, как мы применим полученную информацию, зависела и моя научная карьера, и, вероятно, сохранение целого вида. Именно нам с Сурмачом предстояло проанализировать собранные сведения и сделать выводы. И начало, на мой взгляд, не внушало оптимизма. Перед сном мне не давали покоя мысли о том, что дело не движется, а лед на реке постепенно тает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Моим спутником был Якоб Маккарти, который в то время служил добровольцем в Корпусе мира, а теперь работает учителем в одной из школ штата Мэн.

2.

В то время мой отец (Дейл Вернон Слат) занимал пост советника-посланника при Коммерческой службе США, которая является подразделением Министерства торговли США. Он работал в Посольстве США в Москве с 1992 по 1995 год.

3.

Черский А. Орнитологическая коллекция О-ва изучения Амурского края во Владивостоке // Записки Общества изучения Амурского края. Т. XIV. – Пг.: Фототипия и тип. А. Ф. Дресслера, 1915. С. 143–276.

4.

Jonathan Slaughter, "Influence of Selective Logging on Avian Density, Abundance, and Diversity in Korean Pine Forest of the Russian Far East", M.S. thesis (University of Minnesota, 2005).

5.

Орнитолог Юрий Пукинский нашел гнездо рыбного филина в Приморском крае на реке Бикин.

6.

Перерва В. И. Рыбный филин // Красная книга СССР: редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений; Под ред. А. М. Бородина, А. Г. Банникова и В. Ю. Соколова. – М.: Лесная промышленность, 1984. С. 159–160.

7.

Mark Brazil, Sumio Yamamoto. "The Status and Distribution of Owls in Japan" // Raptors in the Modern World: Proceeding of the III World Conference on Birds of Prey and Owls, eds. B. Meyburg and R. Chancellor (Berlin: WWGBP, 1989), 389–401.

8.

Об амурских тиграх см.: Dale Miquelle, Troy Merrill, Yuri Dunishenko, Evgeniy Smirnov, Howard Quigley, Dmitriy Pikunov, and Maurice Hornocker, "A Habitat Protection Plan for the Amur Tiger: Developing Political and Ecological Criteria for a Viable Land-Use Plan," in Riding the Tiger: Tiger Conservation in Human-Dominated Landscapes, eds. John Seidensticker, Sarah Christie, and Peter Jackson (New York: Cambridge University Press, 1999), 273–89.

9.

Morgan Erickson-Davis, "Timber Company Says It Will Destroy Logging Roads to Protect Tigers," Mongabay, July 29, 2015, news.mongabay.com/2015/07/mrn-gfrn-morgan-timber-company-says-it-will-destroy-logging-roads-to-protect-tigers.

10.

Чепелев В. Р. Традиционные водные средства передвижения у коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Изучение памятников морской археологии. Вып. 5. – СПб., 2004. С. 141–161.

11.

В основном благодаря исследованиям Евгения Спангенберга в 1940-е годы и Юрия Пукинского в 1970-е годы.

12.

См.: Michael Soulé, "Conservation: Tactics for a Constant Crisis," *Science* 253 (1991): 744–50.

13.

Подробное описание бассейна реки Самарги, а также рассказ о конфликте, связанном с вырубкой лесов, см.: Josh Newell, *The Russian Far East: A Reference Guide for Conservation and Development* (McKinleyville, Calif.: Daniel and Daniel Publishers, 2004).

14.

Anatoliy Semchenko, "Samarga River Watershed Rapid Assessment Report," Wild Salmon Center (2003). sakhtaimen.ru/userfiles/Library/Reports/semchenko._2004._samarga_rapid_assessment.compressed.pdf.

15.

Сушко Е. Селение Агзу из страны Удэхе // *Словесница искусств*. 2003. № 12. С. 74–75.

16.

Сурмач С. Г. Предварительные результаты изучения рыбного филина в бассейне р. Самарга в 2005 г. // *Пернатые хищники и их охрана*. 2006. № 5. С. 66–67.

17.

См., например: Спангенберг Е. П. Наблюдения за распространением и биологией птиц в низовьях реки Имана // *Московский зоопарк*. 1940. № 1. С. 77–136.

18.

См., например: Пукинский Ю. Б. К экологии рыбного филина в бассейне реки Бикин // *Бюллетень МОИП. Отд. биол.* 1978. № 1. С. 40–47.

19.

См., например: Sergey Surmach, "Present Status of Blakiston's Fish Owl (*Ketupa blakistoni* Seebohm) in Ussuriland and Some Recommendations for Protection of the Species," *Report Pro Natura Found* 7 (1998): 109–23.

20.

Frank Gill, *Ornithology* (New York: W. H. Freeman, 1995), 195.

21.

Jemima Parry-Jones, *Understanding Owls: Biology, Management, Breeding, Training* (Exeter, U.K.: David and Charles, 2001), 20.

22.

Спангенберг Е. П. Птицы бассейна реки Имана // *Сборник трудов Зоологического музея МГУ*. 1965. № 9. С. 98–202.

23.

Ennes Sarradj, Christoph Fritzsche, and Thomas Geyer, "Silent Owl Flight: Bird Flyover Noise Measurements," *AIAA Journal* 49 (2011): 769–779.

24.

См., например: Пукинский Ю. Б. Голосовые реакции рыбного филина // Вестник Ленинградского университета. 1974. № 3. С. 35–39.

25.

Jonathan Slaght, Sergey Surmach, and Aleksandr Kisleiko, "Ecology and Conservation of Blakiston's Fish Owl in Russia," in *Biodiversity Conservation Using Umbrella Species: Blakiston's Fish Owl and the Red-Crowned Crane*, ed. F. Nakamura (Singapore: Springer, 2018), 47–70.

26.

Lauryn Benedict, "Occurrence and Life History Correlates of Vocal Duetting in North American Passerines," *Journal of Avian Biology* 39 (2008): 57–65.